

влиянию Запада многие здесь склонны относить усиливающееся стремление к получению собственной выгоды, разгул проституции, распространение наркомании и ВИЧ.

К. Заляйн показывает несостоятельность многих предубеждений против Запада, которая подтверждается биографиями самих калининградцев, сумевших побывать, в частности, в Германии, приобщившихся к западному образу жизни и развеявших прежние предрассудки. Положительные сдвиги наблюдаются и в отношении к историческому наследию Калининградской обл. В современном общественно-политическом дискурсе его сохранению придается все большее значение. Пробуждается интерес к довоенной истории. У жителей развивается и укрепляется региональная идентичность, отождествление себя со своей малой родиной (или приютившим их "потерянным островом"), о которой они стремятся все больше заботиться, пытаются обустроить ее по-новому, в соответствии с требованиями времени.

ЭО, 2007 г., № 3

© А.А. Никишенков. Рец. на: *С.С. Алымов. П.И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы*. М.: ИЭА РАН, 2006. 257 с.

Нет нужды говорить о важности изучения науки, прежде всего для самой науки, для ориентации ее во времени, для выработки более адекватного самосознания и, в конечном счете, для определения перспектив дальнейшего теоретического развития. В этом направлении за последние годы сделано немало, но существуют такие историографические проблемы, которые, во-первых, еще не получили достаточного освещения, а во-вторых, чрезвычайно сложны для объективного историко-научного исследования. К ним относятся проблемы изучения научной деятельности Павла Ивановича Кушнера, личности, отличающейся парадоксальной противоречивостью и в то же время необыкновенной цельностью, внесшей значительный вклад в развитие отечественной этнологии. Важность анализа его жизненного пути для истории отечественной этнологии определяется не только достоинствами его научных трудов, но и тем, что в его судьбе отразились взаимоотношения науки и политической власти, науки и идеологии, науки и личной гражданской позиции в непростые 20–50-е годы XX в. Сложность изучения этих взаимоотношений (особенно в постсоветское время) очевидна – легко скатиться к различным вариантам редукционизма, т.е. сведению научных выводов к политическим убеждениям ученого, либо представить итоги научной деятельности в виде подобострастного выполнения приказаний "властей предержавших". Научная деятельность Кушнера решительно не допускает таких упрощенных интерпретаций, хотя, на поверхностный взгляд, его марксистская и большевистская убежденность, сложившаяся в годы подполья, Гражданской войны и партийно-советской работы, может дать для них повод и оставить в тени талант, честность и принципиальность исследователя.

С. Алымову удалось выработать объективный подход к изучению этого сложного узла противоречий. Удалось это благодаря следованию простому, на первый взгляд, принципу, принципу историзма, который не позволяет оценивать дела прошлых лет с позиций сегодняшней конъюнктуры и предписывает рассматривать их в контексте исторической эпохи. Достигнутый успех был бы невозможен без свойственных автору обширных познаний в области истории советского периода и в различных отраслях этнологической науки, а также без проделанной им кропотливой работы в архивах, из которых он извлек богатый, ранее не публиковавшийся материал о жизни и деятельности Кушнера. С. Алымов также внимательно изучил все, написанное Кушнером и его современниками – учеными, политиками, идеологами.

Алексей Алексеевич Никишенков – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Рецензируемая книга отличается тщательно продуманной структурой. Во "Введении" обосновывается актуальность исследования для современной российской этнологии, подчеркивается особая важность проблемы соотношения "внутреннего" и "внешнего" факторов развития науки, т.е. соотношения собственно научного познания и его политико-идеологического контекста (с. 5). Дан подробный источниковедческий анализ архивных материалов и историографический обзор публикаций (их весьма мало), затрагивающих академическую деятельность Кушнера.

Первая глава – "Основные вехи жизненного пути П.И. Кушнера" – обеспечивает некий биографический контекст для изучения в последующих главах конкретных историографических проблем. Здесь подробно представлены: участие Кушнера в большевистском подполье, Октябрьской революции, Гражданской войне; анализируется его деятельность в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, где он был профессором, заведующим кафедрой истории развития общественных форм, в редколлегиях ряда центральных газет, в социологической секции Института истории в должности ее председателя, в Наркомате внешней торговли и других учреждениях. Данная глава написана на основе большого количества свежего архивного материала, что позволило автору по-новому осветить ряд важных аспектов участия Кушнера в истории общественной мысли в СССР.

Во второй главе – "Научная деятельность П.И. Кушнера в 1920–1930-е годы" – подвергаются анализу три наиболее важные сферы деятельности Кушнера: 1) создание им нового учебного предмета "История развития общественных форм" (ИРОФ) и написание по нему учебника, вышедшего в 1920-е годы семь изданий; 2) участие в дискуссии о социально-экономических формациях; 3) полевые исследования в Киргизии. Для каждого, получившего университетское этнологическое образование в нашей стране, значительное количество проблем, составляющих содержание ИРОФ, кажется знакомым по лекционному курсу "История первобытного общества", хотя уже в 1930-е годы ИРОФ как учебный предмет был упразднен, таким образом, Кушнер с полным правом может считаться одним из основоположников этой части отечественной этнологической традиции. В книге показано, что в своем учебнике Кушнер аккумулировал достижения классиков мировой этнологии и поместил их в концептуальную сетку марксистской философии, выступив одним из наиболее активных участников процесса "марксизации" общественных наук в СССР.

Отмечая это обстоятельство, С. Алымов, тем не менее, приводит немало аргументов в пользу тезиса об оригинальности и самостоятельности позиции Кушнера в этом вопросе, ее несводимости к простому выполнению идеологического заказа властей. В частности, он подчеркивает, что при создании курса ИРОФ Кушнер не побоялся привлекать выводы "буржуазных" ученых (З. Фрейда, Л. Леви-Брюля и др.), которые к этому времени уже числились по разряду "враждебных идеологов" (с. 69). Не случайно его учебник стал объектом жесткой критики со стороны близких к идеологическим инстанциям теоретиков и в печально известном 1929 г. Кушнер был вынужден оставить преподавание ИРОФ, но саму проблематику марксистской интерпретации истории не оставил, да и не мог оставить, так как это стало его глубоко личной позицией. Он стал инициатором и активным участником дискуссии о социально-экономических формациях в социологической секции Института истории. И в этом он со "своим марксизмом" опять "пошел не в ногу" с большинством радетелей официальной "марксизации" науки.

С. Алымов приводит немало интересных данных об этой дискуссии: обосновывает суждение о сугубо научном характере аргументации Кушнера по вопросам формационной теории и особенно по вопросу о первобытном коммунизме, при обсуждении которого он использовал, помимо трудов Маркса и Энгельса, данные Л.Г. Моргана, Й. Бахофена и др. В книге анализируется "еретическое" требование Кушнера "разделять исторический материализм как общую теорию и социологию как науку" (с. 75). Следует вспомнить, в каком идеологическом контексте высказывались подобные мысли Кушнера, чтобы отдать должное его смелости.

Особый интерес для всех, причастных к истории отечественной этнологии, представляет развернутый в книге анализ полевой работы Кушнера в Киргизии и политико-идеологические условия этой примечательной акции. С. Алымов, наряду с фиксацией очевидных слабостей полевой методики и явно политически конъюнктурных обобщений, справедливо отмечает, что эта работа

Кушнера проложила начало целому ряду полевых исследований 1930-х годов, в которых конкретный материал по различным народам СССР рассматривался в свете марксистской формационной теории и русле политики советских и партийных органов по отношению к доколхозному хозяйству и быту. Надо отметить, что полевой материал, свидетельствующий об этом периоде, вне зависимости от его политизированной интерпретации до сих пор представляет научную ценность, так как отражает реальность, в значительной степени уничтоженную коллективизацией.

Содержание третьей главы – "П.И. Кушнер и советская этнография 1940–1950-х годов" – представляется весьма важным для самосознания современной российской этнологии. Здесь последовательно рассматриваются: 1) процесс оживления внимания советских этнографов к этнической тематике и формирование первых теоретико-методологических концепций в этой области; 2) монография Кушнера 1951 г. "Этнические территории и этнические границы", ставшая важной вехой в теоретическом развитии отечественной этнологии; 3) исследовательская и организационная деятельность Кушнера в области изучения советского села.

Поворот к этнической проблематике в советской этнографии, одним из инициаторов и активных участников которого был Кушнер, трактуется С. Алымовым как следствие вытеснения этнографов из сферы изучения теории социально-экономических формаций и некоторого сдвига идеологического курса ВКП(б) от идеи мировой революции и интернационализма к более "патриотической" и национально-государственной программе, что наметилось в середине 1930-х годов и приняло отчетливую форму в годы Великой Отечественной войны (с. 128). С этим суждением можно согласиться. Интерес представляет материал книги о развитии теоретической позиции Кушнера в этом вопросе; он активно выступал против точки зрения В.В. Струве, стремившегося ограничить предмет этнографии первобытностью и ее пережитками, и отстаивал необходимость охвата этой наукой всех форм национальной культуры (с. 132).

Анализируя главный труд, воплотивший теоретические и методологические идеи нового направления, которым стала монография "Этнические территории и этнические границы", С. Алымов весьма тщательно рассматривает механизм появления в последние годы войны социального заказа со стороны военной разведки и дипломатического ведомства и напряженную работу группы сотрудников ИЭ АН СССР во главе с Кушнером по его выполнению. На этом фоне разработанные исследователем методы картографирования этнических признаков, результатом которых во многом и стала эта книга, представляются весьма эффективными для своего времени. Отдельные положения этой книги и связанные с ней по тематике статей, как обоснованно утверждает автор, положили со временем начало целым исследовательским направлениям – этногеографии, этнодемографии, этностатистике, а методы картографирования этнических культур Кушнера легли в основание серии крупномасштабных проектов по подготовке этнографических атласов, которые составили целую эпоху в истории нашей науки 1950–1960-х годов. Можно согласиться с хорошо обоснованным выводом С. Алымова о том, что "работа Кушнера была одним из компонентов, способствовавших окончательному становлению формулировок теории этноса" (с. 165).

Возглавляемая Кушнером в ИЭ АН СССР программа исследования советского села в рецензируемой книге справедливо трактуется как новаторское направление в отечественной этнологии, хотя и отмечается, что у нее были предшественники в 1920-е годы. Создание главного труда этого направления – "Село Вирятино в прошлом и настоящем" – проанализировано во всех деталях: показаны методические трудности в этом деле; представлен сложный политико-идеологический контекст, в котором работали этнографы и который вынуждал их к сглаживанию острых социально-экономических проблем села ("лакировка действительности"). В то же время С. Алымов обращает внимание на те аспекты вирятинского проекта, которые позволили в дальнейшем выйти на более совершенные методы этносоциологии села (с. 211–212).

В заключение считаю уместным дать общую оценку книге С. Алымова: она богата фактическим материалом, часто впервые вводимым в научный оборот; аргументация автора в большинстве случаев убедительна; приемы историографического анализа "прозрачны" (открыты верификации), многоплановы и тщательно продуманы; выводы обоснованы, а созданная в книге картина исторической динамики научно-исследовательской деятельности П.И. Кушнера оставляет впечатление достоверности.